

© 2000 г. М.И. ИСАЕВ

ПАТРИАРХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

(к 100-летию со дня рождения В.И. Абаева)

Выдающийся ученый-филолог современности, Василий Иванович Абаев родился 15 декабря 1900 г. в с. Коби Душетского уезда Тифлисской губернии Казбекского района Грузии. Начальное образование он получил в сельской Кобийской школе, а среднее – в Тифлисской 6-й классической гимназии (1910–1918). Несколько лет он работал учителем в Кобийской начальной школе, а затем (1922 г.) поступает в Петроградский государственный университет на иранский разряд этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук.

Еще будучи студентом, В.И. Абаев публикует свои первые научные работы, а по окончании вуза, в 1925 г. по предложению Н.Я. Марра он зачислен аспирантом Научно-исследовательского института сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока при ЛГУ. Его научный руководитель Н.Я. Марр обратил внимание на активную исследовательскую деятельность своего аспиранта и по окончании учебы направил его на работу в Кавказский историко-археологический институт Академии наук СССР (в 1928 г.). Через два года, в 1930 г., он зачисляется научным сотрудником Яфетического института Академии наук, впоследствии переименованного в Институт языка и мышления АН СССР.

В 1935 г. В.И. Абаеву, автору 36 печатных трудов, присуждена ученая степень кандидата филологических наук (без защиты диссертации). В том же году ученый был командирован в Осетию со специальным заданием Президента Академии наук для научной консультации издания осетинского нартовского эпоса. Оторванный от Ленинграда войной, он в период с 1941 по 1945 г. работает в Северо-Осетинском и Юго-Осетинском научно-исследовательских институтах, затем возвращается в Ленинград и продолжает работать в Институте языка и мышления.

После языковедческой дискуссии 1950–1952 гг., в процессе которой И.В. Сталиным было раскритиковано "Новое учение" Н.Я. Марра, Институт языка и мышления был переименован в Институт языкознания АН СССР, основной костяк которого перебазировался в Москву, куда был переведен и В.И. Абаев. В 1962 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук (опять без защиты диссертации), а в 1969 г. – присвоено звание профессора.

В.И. Абаев не из тех ученых, у которых количество наград, чинов и званий чуть ли не превалирует над числом научных трудов. Тем не менее его не обошли ряд поощрений. Так, он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и рядом медалей; ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Северо-Осетинской АССР (1957), заслуженного деятеля науки Грузинской ССР (1980), ему присуждена Государственная премия имени Коста Хетагурова (1966), Государственная премия СССР (1981), премия имени академика Чикобава (1998). Не обойден В.И. Абаев и "чисто академическими" почестями: он избран почетным членом Азиатского Королевского общества Великобритании и Ирландии (1966); членом-кор-

респондентом Финно-угорского общества (Хельсинки, 1973) и почетным членом РАЕН (секция “Российские энциклопедии”, 1992).

Научное творчество, труды В.И. Абаева поражают не только своим количеством, но и разнообразием тематики, а также основательностью. Характерной же чертой исследовательского почерка их автора является постоянное стремление к теоретическим обобщениям в области различных разделов языкознания, литературоведения, нартоведения.

Другой особенностью научного творчества ученого является надежность анализируемого языкового материала. Вот почему он свою научную деятельность начал с изучения различных аспектов своего родного осетинского языка, который он познал глубоко и во всех разновидностях. Это помогло ему выдвинуть ряд фундаментальных идей в осетиноведении.

ОСЕТИНОВЕДЕНИЕ

Первые новые идеи В.И. Абаева опубликованы в его осетиноведческих трудах, охватывающих все стороны языка. В области фонетики новые положения выдвинуты прежде всего по вопросам ударения и фонологии. Дело в том, что предшественники В.И. Абаева (академики А.М. Шегрен, В.Ф. Миллер и др.) потерпели неудачу в попытках установить закономерности осетинского ударения. Они стремились решить проблему путем постановки ударения на отдельном слове. Но в потоке речи ударение на отдельном слове меняло место, а то и вовсе исчезало. За решение проблемы взялся молодой исследователь В.И. Абаев и провел кропотливую работу. Он записал у сказителей 10 нартовских сказаний, проставил ударения и выдвинул идею о том, что “Satzakzent представляет одну из интереснейших глав осетинской грамматики, где скрещиваются вопросы фонетики, семантики, синтаксиса и, в конечном счете, языковой типологии” [Абаев 1939: 7–8]. Ученый выявил, что в потоке живой речи группа слов, находящихся в определенной синтаксической связи, может носить одно единственное основное ударение (не считая вторичных, очень слабых). Подобные группы он назвал “акцентуальными комплексами”. Далее устанавливается, что эти комплексы всегда образуются:

- 1) предложением с управляемым словом;
- 2) определением с определяемым;
- 3) глаголом в неопределенном наклонении с дополнением к нему;
- 4) сложным сказуемым, где имя предшествует вспомогательному глаголу.

Итогом реализации новой идеи ученого явилось установление “основных акцентуальных законов иронского наречия (одного из двух основных диалектов. – М.И.) осетинского языка, одинаковые как для отдельных слов, так и для групп, как бы много слов они ни включали” [Абаев 1949: 530]. Суть этих законов заключается в следующем:

- 1) ударение не падает дальше второго слога от начала;
- 2) место ударения зависит главным образом от качества гласных, которые делятся на “сильные” (исторически долгие) – *a, u, y, e, o* и “слабые” (исторически краткие) – *æ, ы*;
- 3) если в первом слоге сильный гласный, а во втором – слабый, то ударение падает на первый слог;
- 4) если в первом слоге слабый гласный, а во втором сильный, то ударение падает на второй слог;
- 5) если и в первом, и во втором слоге слабый гласный, то ударение падает на второй слог;
- 6) если и в первом, и во втором слогах сильный гласный, то ударение в одних случаях падает на первый слог, в других – на второй и т.д. Далее автором рассматриваются исключения из указанных правил.

Акцентологические идеи ученого представляют собой общелингвистический интерес, поскольку изученное в осетинском языке явление наблюдается в той или иной форме во многих языках, однако не везде еще привлекли к себе достаточно интереса. Что касается осетинского языка, то учет акцентуальных комплексов здесь имеет особое значение, ибо смысл фразы сплошь и рядом зависит исключительно от расстановки ударения (в зависимости от группировки слов в акцентуальные комплексы). Акцентуальные исследования В.И. Абаева представляют собой также твердую научную базу для разработки орфоэпических норм осетинского литературного языка, для изучения ритмики стиха.

Из новых идей В.И. Абаева в области осетинской фонологии следует указать и на выявление так называемого “четвертого ряда смычных”. Если до него иранисты-осетиноведы вели речь о трех рядах смычных (ряд звонких, ряд глухих придыхательных, ряд смычно-гортанных), то В.И. Абаев к ним добавляет “четвертый ряд”, т.е. ряд глухих непрдыхательных. Он устанавливает также конкретные случаи их появления: а) после глухих спирантов *с, х, ф*; б) при так называемой геминации. Согласные четвертого ряда в осетинском довольно многочисленны. Однако, как устанавливает ученый в специальной работе [Абаев 1949: 512 и сл.], они не могут быть названы в осетинском фонемами в полном смысле, а остаются фонетическими вариантами соответствующих смычных.

Плодотворными и концептуальными оказались идеи, сформулированные по вопросам появления в осетинском языке так называемых “смычно-гортанных согласных”. Ученый подверг глубокому исследованию эту проблему, по которой опубликовал несколько работ (в частности, “Смычно-гортанные согласные в осетинском”, “Полногласие в картвельских заимствованиях” и др.). В этих трудах автор анализирует данную проблему и делает обобщения, значение которых выходит далеко за рамки осетиноведения и даже индоевропеистики.

Опираясь на высказывания, с одной стороны, В.Ф. Миллера, с другой – Н.Я. Марра, В.И. Абаев изучил вопрос о появлении и употреблении в осетинском языке смычно-гортанных фонем *къ, нь, тъ, цъ, чъ*. Ученый показывает на конкретном языковом материале, что смычно-гортанные не имеют в осетинском широкого распространения, и в период формирования осетинского языка они не составляли органического элемента его фонологической структуры. “Они входили в язык вместе с кавказской лексикой и лишь постепенно в некоторые некавказские слова. Так как освоение их требовало известных усилий и сопровождалось напряжением артикулирующих органов, то они стали охотно употребляться для выражения понятий физического усилия и для звукоподражаний соответствующего круга” [Абаев 1949: 524]. С увеличением числа слов, содержащих смычно-гортанные, эти звуки стали приобретать смыслообразительное значение, т.е. превратились в фонемы осетинского языка. Материал, собранный и исследованный В.И. Абаевым, подтверждает и возводит в ранг прочно установленного факта положение о том, что смычно-гортанные появились в осетинском из “кавказских” языков так же, как и в армянском. Однако степень проникновения этих фонем в два языка разная: в армянский они вошли глубже, чем в осетинский. «Преимущественная сфера распространения смычно-гортанных в осетинском, – пишет В.И. Абаев, – это слова, заимствованные из *к а в к а з с к и х* языков. Похоже на то, что предки армян сразу стали артикулировать индоевропейские слова своим привычным “кавказским” способом, тогда как предкам осетин пришлось учиться этой артикуляции, осваивать ее, и они ей учились на тех словах, которые они заимствовали у своих кавказских соседей или восприняли из местного субстрата» [Абаев 1949: 519]. Наибольший процент слов со смычно-гортанными звуками приходится на предположительно субстратные кавказские слова и на слова, заимствованные из соседних кавказских языков, главным образом из грузинского.

Другая группа слов со смычно-гортанными – это слова, усвоенные из русского языка. Проникновение этих звуков в русские заимствования объясняется несовпа-

днем глухих смычных в обоих языках. Как известно, русские глухие не обладают (подобно осетинским) сильным придыханием. Это их сближает со смычно-гортанными:

къанау – из русск. *канава*

къулер – из русск. *курьер*

пъол – из русск. *пол* и т.д.

В.И. Абаев выделяет также еще одну группу осетинских слов со смычно-гортанными – “это слова с представлением о физическом усилии. Насколько нам известно, редко бывает, чтобы какой-либо звук был связан со словами определенного семантического круга. Однако осетинские факты не оставляют, кажется, сомнения, что в сознании говорящих существует какая-то связь между смычно-гортанными согласными и представлением о физическом усилии. Особенно наглядно это в тех случаях, когда данная основа параллельно выступает со значением, не связанным с физическим усилением, и в этом случае вместо смычно-гортанного стоит придыхательный или звонкий: *tæryn* “гнать” (др.-иран. *tar*) содержит придыхательный; тот же корень с превербом *æt-* (*æñ-*), *æñ-t' æryn* означает “гнать с силой” и имеет уже смычно-гортанный” [Абаев 1949: 522] и т.д. Сюда же примыкают многочисленные звукоподражательные слова со смычно-гортанными.

В.И. Абаеву принадлежит и другое исследование в области консонантизма – появление в иронском диалекте новых фонем–аффрикат *ч*, *дж*, *чъ*. Как показывается в статье “150 лет жизни одного языка”, эти фонемы возникли благодаря палатализации заднебных простых смычных *к*, *г*, *къ* перед гласными *и*, *е*, *ы*. Правильность этого положения нетрудно показать на двух фактах современного осетинского языка. Во-первых, в современном литературном (иронском) языке существует фонетический закон, согласно которому переход *к*, *г*, *къ* перед гласными *и*, *е*, *ы* соответственно в *ч*, *дж*, *чъ* является живым процессом.

Например:

лаг “человек” – *ладжы* “человека”

карк “курица” – *карчима* “с курицей”

даркъ “козленок” – *дарчъы* “козленка” и т.д.

Во-вторых, простые смычные сохранились в более архаичном дигорском диалекте.

Например:

дигорск. *кизга* – иронск. *чызг* “девушка”

дигорск. *къира* – иронск. *чъыр* “известь”

дигорск. *гетъре* – иронск. *джитъри* “огурец”

дигорск. *келена* – иронск. *чепена* “хороводный танец”.

Этот переход совершился в течение последних полутора столетий.

В той же статье В.И. Абаев доказывает, что переход в иронском начального звонкого фрикативного *гъ* в смычный увулярный *хъ* также произошел в течение последних 150 лет жизни осетинского языка. Наконец, автор указывает еще на один фонетический процесс, происходящий в тот же период. Это замена начального *æ* в иронском гласным *ы*.

В.И. Абаеву принадлежит также идея о делении осетинских гласных на “сильные” и “слабые”. Дело в том, что осетинские гласные восходят исторически к долгим или кратким, которые четко противопоставлялись в древнеиранском друг другу. Долгие от кратких отличались главным образом большей протяженностью. Подобное деление сохраняется и в среднеиранских языках (например, в среднеперсидском), а также в некоторых современных иранских языках (например, в белуджском). Что касается большинства современных иранских языков, то в них на место чисто количественному противопоставлению в той или иной степени пришло противопоставление качественное. В осетинском языке количество гласных (их протяженность) также претерпело большие изменения. Тем не менее иранисты и осетиноведы продолжали именовать осетинские гласные по традиционной иранской терминологии

“долгими и краткими”. Однако, если подобное название можно сохранить для дигорского вокализма (где противопоставление гласных по их протяженности сохранилось намного лучше), то для иронского оно уже не отражает самого существа дела. В иронском вокализме на первый план выступает не количество (долгота) гласных, а их качество. Но и старое распределение гласных на долгие и краткие не исчезло бесследно. Поэтому применительно к иронским гласным весьма приемлемо название, предложенное В.И. Абаевым, – “сильные” (*a, o, u, y, e*) и “слабые” (*æ, ы*). Сильные восходят, как правило, к историческим долгим, а слабые – к кратким. Сильные и слабые по-разному ведут себя до сих пор в целом ряде случаев (при постановке ударения, при встрече и др.).

Будучи историком языка, В.И. Абаев в то же время неутомимо трудится над выявлением особенностей строя современного осетинского языка. Более того, нынешнее состояние элементов структуры языка становится тем плацдармом, опираясь на который ученый совершает глубокие экскурсы в историю языка. С другой стороны, зачастую историзм, как лингвистический метод, становится в умелых руках В.И. Абаева верным ключом для вскрытия многих тайников современного осетинского языка и выдвижению новых концептуальных идей. Так, он подверг глубокому анализу многие фундаментальные проблемы грамматики современного осетинского языка. Среди них особо следует выделить проблемы склонения, спряжения и превербов.

В течение многих десятилетий одной из “горячих точек” осетинской грамматики является падежная система. Эта лингвистическая проблема имеет свою историю. Ее разрабатывали все корифеи осетиноведения (А. Шегрен, В.с. Миллер и В.И. Абаев), ее касались почти все исследователи осетинского языка, о ней спорили и спорят поныне. Чаще всего осетиноведы скрещивают шпаги по вопросу о винительном падеже. Одни говорят, что в осетинском языке существует этот падеж, другие категорически отрицают его наличие.

В.И. Абаев еще в 1940 г. выступил со статьей “О винительном падеже в осетинском”, включенной затем в сборник “Осетинский язык и фольклор”. В статье с довольно скромным названием автор поднимает ряд принципиальных осетиноведческих и даже общезыковедческих вопросов. Дело в том, что утвердившееся еще со времен Клапрота мнение об индоевропейском характере осетинского языка нередко сковывало осетиноведов в их исследовательской практике. В то время еще не была открыта “вторая природа” осетинского языка – его кавказский субстрат. Вот почему не удивляет наличие винительного падежа, для которого не существует особого грамматического показателя в падежных системах А. Шегрена и В.с. Миллера. Вполне естественно, что, открыв кавказский субстрат, В.И. Абаев экстраполировал многие установившиеся догмы, включая и систему падежей.

Если начинать с А. Шегрена – основоположника осетиноведения, то в его восьмипадежной системе (*именительный, звательный, винительный, дательный, родительный, местный внутренний, местный внешний, отводительный*) прочное место занимает *винительный*. К перечисленным выше падежам В.с. Миллер добавил еще два: *совместный* падеж с окончанием *-имæ* и *адессив* с окончанием *-ыл*.

Падежная система Шегрена–Миллера спустя более полувека была подвергнута В.И. Абаевым глубокому анализу; в результате в нее был внесен ряд существенных изменений, включая и названия. Прежде всего это касается наименования падежей: а) падеж на *-мæ*, *-æмæ*, который назывался ранее *местным внешним*, В.И. Абаев предложил назвать *направительным*; б) падеж на *-ыл*, *-уыл*, дигорск. *-бæл*, называемый Миллером *адессивом*, В.И. Абаев именует *местным внешним*. Эти предложения уже приняты и бытуют. Общепринятым стал и введенный В.И. Абаевым новый, *уподобительный* падеж (флексия *-ау*). Он предложил также исключить из падежной системы *винительный* падеж, который в осетинском не имеет специального морфологического оформления.

Если в вопросе о названиях падежей и включения в схему уподобительного падежа ученый не встретил серьезных возражений, то с выключением винительного падежа дело обстоит иначе. В.И. Абаев подчеркивает, что при установлении падежной системы не следует смешивать двух моментов: морфологической характеристики падежа (флекси) и его синтаксической функции. Дело в том, что одна и та же флексия может выполнять разные функции и, наоборот, одна и та же функция может выражаться разными падежами. Поэтому при установлении морфологической системы изменения слов (т.е. склонения) нужно исходить только из морфологической характеристики, а не из функции. Отвечая тем, кто ссылается на наличие в русском винительного падежа, совпадающего то с именительным, то с родительным, В.И. Абаев указывает: "...это еще не дает никакого права на выключение винительного падежа из схемы русского склонения... потому что есть категории имен существительных, прилагательных и местоимений (женский род), имеющих совершенно особое оформление прямого объекта" [Абаев 1949: 131].

По обыкновению В.И. Абаев свою аргументацию углубляет, придав ей общетеоретический характер. Как известно, склонение во многих языках связано с категориями "одушевленности" и "неодушевленности" или категориями "определенности" и "неопределенности". Анализ языкового материала показывает, что в осетинском ни одна из этих категорий не дает ключа к разгадке факта различного оформления прямого объекта (то в виде именительного, то в виде родительного падежа). По мнению В.И. Абаева, в основе этого различия лежит какой-то более древний принцип классификации имен существительных. Принимая во внимание всю сумму фактов осетинского языка с учетом данных общего языкознания, ученый приходит к идее, что в этом случае мы имеем дело с отражением старого деления имен на два класса: *класс личностей* и *класс вещей*.

Существенное отличие этого деления от деления на "одушевленные" и "неодушевленные", по мысли ученого, заключается в том, что "одушевленность" считается постоянным признаком определенной группы живых существ, тогда как деление на "личности" и "вещи" является не столько классификацией объектов, взятых абстрактно и статично, сколько классификацией отношений субъектов-объектов в различных конкретных ситуациях. Именно поэтому один и тот же предмет может трактоваться в одном случае как "личность", в другом как "вещь" [Абаев 1949: 133].

Таким образом, если прямой объект в осетинском трактуется как вещь, он стоит в именительном падеже, если же прямой объект трактуется как личность, он стоит в родительном падеже. Вместе с тем автор подчеркивает, что грамматические выражения указанной классификации могут быть использованы для новых, становящихся более актуальными различий, в частности для различения определенности и неопределенности прямого объекта. Указывается, что этот процесс в осетинском только намечался. В любом случае для винительного падежа в структуре осетинского языка не находится места.

Мы видим здесь, как "сухая" грамматическая категория, падеж, при историческом подходе наполняется живым и увлекательным содержанием. История винительного падежа предстает как яркая страница истории человеческих воззрений ранних эпох, как свидетельство об одной из самых первых и важных классификаций, определивших отношение человека к окружающему миру: деление объектов на класс личностей и класс вещей. Здесь, как обычно, ученый через призму исследуемого конкретного языкового материала бросил пристальный взгляд на историю, историю становления человеческого мышления. Это излюбленный аналитический прием В.И. Абаева, прием, которым он умело оперирует в любом случае – идет ли речь об истории языка или о вопросах синхронного анализа фактов современного языка...

Вопросы, связанные с глаголом, изучаются в целом ряде трудов. Специально посвящаются проблеме осетинского глагола работы "К истории осетинского спряжения" и "О залоговой недифференцированности причастий".

В первом из них автор исследует вопрос о различных формах прошедшего времени в глаголах непереходных и переходных. После глубокого исторического изучения вопроса он приходит к заключению, что осетинский язык для различения форм непереходных и переходных глаголов в прошедшем времени использовал две формы одного и того же вспомогательного глагола “быть” (*аин, уаин*).

В работе “О залоговой недифференцированности причастий” В.И. Абаев исследует вопрос о залоговом делении осетинских причастий. Автор приходит к заключению, что “залоговые границы между ними весьма текучи и зыбки. Видимая залоговая четкость в причастиях настоящего и прошедшего времени рассеивается при более близком рассмотрении” [Абаев 1949: 571].

Глубокому исследованию подверглись в трудах В.И. Абаева осетинские превербы, которые привлекают внимание ученых своей полифункциональностью. Они выполняют целый ряд функций: видообразовательную, словообразовательную, словоизменительную и др. Уже в “Осетинской грамматике” А. Шегрена были отмечены такие функции превербов, как а) локативная, б) словоизменительная, в) функция качественной характеристики действия. В “Осетинских этюдах” В.С. Миллера наряду с этимологией превербов даны более точные характеристики пространственных значений превербов. Особо отмечена видообразовательная функция преверба *фа-*. Ученый выделил также превербы, встречающиеся лишь в срращениях. Тем не менее, функциональная сторона превербов долгое время оставалась недостаточно изученной. Почти не раскрыта их видообразовательная функция и недостаточно выявлены их пространственные значения. В дальнейшем, в связи с раскрытием “второй (кавказской) природы” осетинского языка, стало возможным выявление новых закономерностей в функциях превербов. Стала очевидной недостаточность приведенных В.С. Миллером локативных значений, не учитывающих “точку зрения наблюдателя”.

В.И. Абаев, углубляя имеющиеся представления об осетинских превербах, подчеркнул, что последние, в отличие от префиксов индоевропейских, выражают не только направление передвижения абстрактно в пространстве, но и положение наблюдающего субъекта по отношению к движущемуся предмету. Наличие аналогий в грузинском и ряде восточноргорских языков позволило ученому рассматривать это явление как одно из свойств субстрата.

Превербы в осетинском, являясь по происхождению иранскими, как бы наполнились новым содержанием. Этот существенный вывод, убедительно подтверждающий субстратную теорию формирования осетинского языка, открыл новые возможности дальнейшего изучения сущности осетинских глагольных категорий.

Перечисленные идеи в области строя осетинского языка составили целостную концепцию, позволившую автору написать “Грамматический очерк осетинского языка” [Абаев 1959], послуживший по существу первой научной грамматикой, а также надежной базой для написания затем двухтомного коллективного труда “Грамматика осетинского языка”, изданного в Орджоникидзе.

Высказанные В.И. Абаевым идеи в области социологии осетинского языка также выстраиваются в стройную концепцию. Это обстоятельство во многом способствует решению такой довольно сложной проблемы, как взаимоотношение диалектов и литературного языка. Как и у некоторых других народов нашей страны (скажем, у мордвы и марийцев), у осетин исторически сложились два основных диалекта (иронский и дигорский), на которых параллельно развивается письменность. Однако в прошлом предпринимались жесткие меры по ограничению и даже полной приостановке литературной деятельности на базе дигорского диалекта (на котором говорит меньшинство осетин, примерно четверть). Дело временами приобретало чисто “политический оборот”, когда писателям и ученым, отстаивающим равное отношение к диалектам, порой присваивали зловещую кличку “дигорского националиста”.

В этой обстановке не раз звучал голос В.И. Абаева, призывающего к спокойному и научному подходу к проблеме. Особенно основательно остановился ученый на вопросе в своем капитальном труде “Очерк расхождений иронского и дигорского

диалектов” [Абаев 1949: 357–493]. Остужая горячие головы политизированных “специалистов”, крикливо заявлявших о якобы уже свершившемся факте становления осетинского литературного языка, который “необходимо оберегать от влияния диалектов”, В.И. Абаев провозглашает глубоко научный подход к данному вопросу применительно к младописьменному языку. Проявляя острое социолингвистическое чутье, ученый четко разграничивает значение диалектологии для судеб литературного языка у младописьменных народов, с одной стороны, и наций со старой письменностью, с другой. В старописьменных языках (как, например, русский) “изучение диалектов, весьма полезное и необходимое с разных точек зрения, не может, однако, отразиться на судьбах литературного языка, ибо литературный язык уже создан, стабилизирован, он богат, крепок и его путь ясен. В осетинском же литературный язык молод, он нуждается пока в посторонней заботе, культивировании, обогащении” [Абаев 1949: 358].

По Абаеву, положить один из диалектов в основу литературного языка – это еще не значит создать в действительности национальный литературный язык. На такую роль может претендовать только язык, который преодолевает ограниченность одного, хотя бы и крупного, диалекта, который из всего многообразия диалектных норм языка вбирает в себя все самое прогрессивное, самое жизнеспособное, самое современное и нужное, который строится с учетом истории языка в прошлом и тенденцией его развития в настоящем. В.И. Абаев подчеркивает *длительность* процесса становления общенационального литературного языка. В то же время в Осетии власти нередко поддерживали тех, кто форсировал этот процесс. В результате, постоянной дискриминации подвергались те, кто пишет по-дигорски. В школах не изучалась дигорскими детьми их материнская речь. По существу проповедовался ненаучный тезис о том, что иронский – это язык, а дигорский – это диалект, что не могло не вызвать резкий протест среди дигорской интеллигенции.

И вот в самый разгар очередной дискуссии по вопросу о литературном языке публикуется статья В.И. Абаева “О Георгии Малиеве”, в которой ученый уже называет дигорский *языком*. Слова выдающегося осетиноведа прозвучали как гром среди ясного дня... Некоторые коллеги в этом увидели противоречие, т.е. до сих пор В.И. Абаев не один десяток раз называл дигорский *диалектом*. Однако эти критики упустили из виду то обстоятельство, что и иронский называется в таких случаях *диалектом*. Концептуальная идея В.И. Абаева в данном случае, по-видимому, заключается в следующем. Когда речь идет об общенародном (ненормированном) языке, обе разновидности осетинского языка – иронский и дигорский – конечно же, *диалекты*. Однако если мы рассматриваем литературную речь, то следует говорить о *литературных языках*, базирующихся на обоих диалектах.

Как бы то ни было, новая постановка вопроса в значительной мере помогла решению данной проблемы. В результате соответствующая идея была реализована и в новой конституции Республики Северная Осетия – Алания, в специальной статье которой отмечается равноправие обоих осетинских диалектов – иронского и дигорского. Следует подчеркнуть, что многие фундаментальные идеи, хотя и высказаны в осетиноведческих трудах ученого, имеют более широкий общетеоретический характер.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Будучи филологом широкого профиля, В.И. Абаев на протяжении всей своей творческой биографии наряду с чисто лингвистическими проблемами держит в поле своего внимания также вопросы литературоведения. Тесно увязывая появление художественной литературы с устным народным творчеством, ученый еще на заре своего научного творчества (20-е годы) взялся за глубокое изучение осетинского фольклора, народных мифов, легенд и пришел к одной из своих фундаментальных идей о том, что “литература народа есть важнейший материал для его познания” [Абаев 1925: 489].

Количество конкретных литературоведческих трудов ученого невелико. Они посвящены в основном проблемам осетинской литературы, анализу творчества таких писателей, как Иван Ялгузидзе, Коста Хетагуров, Блашка Гурджибеков, Сека Гадиев, Александр Кубалов, Георгий Малиев и нек. др. Однако автор неизменно подходит к обсуждаемым вопросам масштабно, ставит острые вопросы, делает важные выводы и обобщения общелитературоведческого характера. По существу В.И. Абаев является основоположником осетинского теоретического литературоведения.

Характерно, что творчеству основоположника осетинской литературы, великого осетинского поэта Коста Хетагурова В.И. Абаев посвятил ряд с блеском написанных статей: “Коста Хетагуров” (“Знамя”, 1939, № 9); “Коста и осетинская культура” (“Известия СОНИИ”, 1960, XXII, вып. II); “Коста – народный поэт Осетии” (на осет. яз. – “Фидгуел”, 1960, № 10); “Что значит Коста для осетинского народа” (“Известия ЮОНИИ”, 1960, вып. X). К оценке Коста (его личности и творчества) автор подходит конкретно исторически. Прежде всего он подчеркивает монолитное единство судьбы великого писателя с судьбами родного осетинского народа. Более того, автор ярко выявляет тесную связь между становлением характера будущего поэта и близкой ему кавказской природой.

Он даже так и начинает одну из своих костаеведческих работ: “В одном из глухих ущелий Осетии в верховьях реки Ардон возвышается на скале аул Нар. Сакли и боевые башни, тесно прижававшиеся друг к другу, кажутся продолжением скалы, – тот же серовато-желтый камень образует и скалу и аул. В этой суровой горной глуши в 1859 году родился будущий поэт” [Абаев 1960а: 72].

К любому художнику слова можно применить один из двух основных методов эстетической оценки. В одном случае пользуются общими абсолютными критериями его творческой силы, его творческого “потолка”, выработанными на опыте величайших мастеров слова. При таком подходе, говорят Абаев, законно сопоставлять и сравнивать литературные явления самых различных эпох, стран и социальных сред. В другом случае к оценке творчества писателя можно подойти с учетом той конкретной исторической обстановки, среды, условий, в которых протекала его деятельность, пытаться уяснить себе, какое значение имело его творчество прежде всего для народа, представителем которого он был, в условиях той эпохи, когда он жил.

В.И. Абаев, как страстный приверженец принципа историзма, более верным считает второй путь при оценке творчества выдающихся деятелей литературы и искусства. Вместе с тем он отмечает, что «даже при первом, “абсолютном” подходе Коста может выдержать сравнение с сильнейшими поэтами. Его небольшой по объему “Ирон фæндыр” заключает в себе стихи, высокое достоинство которых может оценить всякий культурный человек, независимо от национальности. Если же поставить вопрос так – что означает Коста для осетинской литературы, для осетинского народа, то здесь Коста встает во весь рост гиганта» [Абаев 1960а: 74].

Абаев глубоко и всесторонне раскрывает тот историко-социальный фон, на котором необходимо рассматривать творчество Коста.

В конце XIX – начале XX в. осетинская письменность, хотя она существовала уже на протяжении полувека, на 90 процентов обслуживала церковь. Переводы религиозных книг, насаждаемые с миссионерско-колониаторскими целями, как правило, выполнялись малограмотными переводчиками и не имели культурной ценности, тем более художественно-эстетической. И в этот период появляется “Ирон фæндыр”, ставший для осетинского народа, по словам В.И. Абаева, каким-то откровением, просветом в будущее, своего рода “путевкой в жизнь”. Совершенство и зрелость поэзии Коста, при отсутствии до него какой-либо национальной литературной традиции, воспринимаются как явление исключительное. Начало осетинской литературы стало вместе с тем ее недостижимой вершиной. Минувшая ступень примитивов, подчеркивает ученый, Коста одним взлетом достиг пушкинской чистоты, силы и ясности стиха.

Перед Абаевым, человеком, обладающим философским складом ума, не мог не встать вопрос о том, как удалось Коста осуществить такое “чудо”? И в своем ответе на поставленный вопрос ученый отмечает, что помимо исключительной одаренности Коста помогло отличное знание русской литературы, русских классиков. У них он учился. Без Пушкина, без Лермонтова, без Некрасова Коста был бы невозможен. И тут хочется обратиться к выступлению А. Фадеева, который также справедливо отмечал, что как писатель, как поэт Коста не мог бы сложиться таким, каким представляется нам сейчас, без идейной и художественной связи с русской революционной демократией второй половины прошлого столетия. “Мы, русские писатели, – говорил А. Фадеев, – гордимся тем, что Коста сформировался под влиянием идей Чернышевского, Добролюбова, Некрасова” [Фадеев 1941: 89].

В.И. Абаев в своих костаеведческих работах отмечает и другой могучий фактор, оплодотворивший творчество поэта. Это богатый осетинский фольклор, отличным знатоком, ценителем и собирателем которого был сам поэт. Не случайно к лучшим произведениям Коста относятся такие мастерские обработки народных мифов, сказок, басен, как “Фсати”, “Лоскъдзерсен”, “Редька и мед” и др. Как отмечает ученый, поэтические создания народа получали в руках поэта настолько совершенную, чеканную форму, что, возвращаясь в народ, они вытесняли народные варианты. В результате позднейшие собиратели фольклора находили их уже только в той форме, в какую их отлил гений Коста.

Анализируя тематику и жанровое разнообразие творчества Коста, В.И. Абаев обращает внимание на то, что в осетинской лирике Коста преобладают гражданские мотивы. Именно в гражданской лирике Коста достиг исключительной силы и насыщенности выражения. В работах В.И. Абаева специально подчеркивается интернационалистский дух произведений Коста, лишенный какой-либо национальной ограниченности. В своих стихах и публицистических статьях Коста выступал поборником прав горцев, всех угнетенных, и резко критиковал всякий национальный и социальный гнет. Говоря о значении Коста для осетинского народа, В.И. Абаев высказывает простую, но вместе с тем исключительно важную и верную мысль. Действительно, как отмечает ученый, редко бывает, чтобы появление такой небольшой по размеру книжки, как “Ирон фсэндър”, так много значило в жизни целого народа, служило бы такой яркой вехой в его истории, совершило бы такой переворот в его сознании. Дело в том, что в момент опубликования книги Коста осетинский народ был разбросан по малодоступным горным теснинам, подавлен нищетой и бесправием. Ему еще недоставало сознания своего национального единства, культурной и духовной общности. Как подчеркивается в работах В.И. Абаева, осетинский народ не имел даже общего самоназвания, т.к. “осетинами” их называли грузины и другие народы.

И вот в этот ущербный, разорванный на клочья мир, пишет В.И. Абаев, подобно дару неба был брошен пылающий, как факел, вдохновенный стих поэта:

Иумæ нæ рамбырд кæ, арфайы дзырд!

(“Собери-ка нас вместе, благословенное слово!”).

Читая чудесные строки “Ирон фсэндър”, осетины впервые всем существом осознали, что они – один народ, что у них – одна культура, одна истрадававшаяся душа, один чаяния и мечты.

Читая и перечитывая литературоведческие работы В.И. Абаева, не устаешь поражаться тому, как органически переплетаются в них глубокий анализ конкретных сюжетных линий художественных произведений с блестящими теоретическими обобщениями, поднимающими мысли и чувства к высотам человеческого интеллекта. Создается впечатление, что именно в литературоведческих работах В.И. Абаев нашел наибольшую возможность нравственно-эстетического самовыражения, для проявления своего поэтического дара. “Образ Коста удивительно целен, – пишет ученый. – У него нет расхождения между словом и делом, между творческой и личной биографией. Его жизнь – как один неудержимый порыв, где все устремлено к одной цели.

Поэт, публицист, общественный деятель – это не разные, сменяющие друг друга профессии, а разные стороны одного страстного порыва, порыва к свободе, к социальной справедливости, к лучшей доле для народа. Но какая-то искра этого порыва тлеет в душе каждого честного осетина. И вот по этим лучшим струнам народной души и ударил Коста” [Абаев 1960а: 190].

Среди целого ряда идей, высказанных В.И. Абаевым по поводу творчества Коста Хетагурова, привлекают высказывания ученого по вопросам *народности* поэта. По Абаеву, народность творчества поэта опирается прежде всего на глубокую, органическую связь Коста с народом, “лучшей частицей” которого он и являлся. Как подчеркивает В.И. Абаев, “говорить с народом о том, что его больше всего волнует, и в такой форме, которая покоряет и захватывает его без остатка, – эту тайну Коста постиг в совершенстве, и поэтому он стал поэтом *народным* в самом высоком и полном значении этого слова” [Абаев 1960а: 187].

К проблеме народности ученый возвращается и в статье, посвященной основоположнику осетинской прозы Сека Гадиеву. Народность для В.И. Абаева заключается в “естественном, гармоническом сочетании народного содержания с народной формой”. Ученый различает два вида народности: *народность органическую и народность приобретенную*. Ко второй он относит, например, народность Некрасова и Льва Толстого, которые к ней пришли из другой среды, из другого класса. Их народность – результат “интеллигентского народолюбия” или сознательного желания быть ближе к народу. В отличие от этого народность Сека – естественное и стихийное выражение его личности, его душевного склада, его жизненной судьбы. Его творчество народно потому, подчеркивает В.И. Абаев, что он родился, работал, жил в народе, вместе с народом, для народа [Абаев 1965а: 242].

Характерно, что именно В.И. Абаевым впервые высказана мысль о том, что С. Гадиев является основоположником осетинской художественной прозы. Эта идея впоследствии была поддержана и развита другими осетиноведами. Мастерство Абаева-критика поразительным образом раскрылось в особенности при анализе произведений выдающегося осетинского поэта-романтика Георгия Малиева. Особенно восхищается ученый звучанием стихов Малиева, через которые красной нитью проходит вера в чудодейственную, облагораживающую, преображающую силу музыки, песни. “Перед взором поэта, – говорит Абаев, – носился образ прославленного героя осетинского эпоса, дивного музыканта и певца Ацамаза, чья игра на свирели одушевляла и преображала всю природу, собирала зверей и людей в одно ликующее братство. Поэт мечтал о новом Ацамазе, песня которого овладеет душами людей и заставит их забыть вековую вражду и навсегда расстаться с оружием...”

Абаев не в состоянии скрыть своего восхищения и изумления музыкальностью малиевского стиха: «Говоря о роли музыки и музыкантов в романтической поэзии Малиева, не могу не сказать о музыкальности самих стихов поэта. Она – уникальна... Именно Малиев, и только он, сумел раскрыть и показать во всей полноте, какие красоты ритма, напевности, свободного и плавного течения таит в себе дигорская (один из двух осетинских литературных языков. – М.И.) речь... Вслушайтесь в эти стихи – раньше чем доходит до сознания их смысл, они уже покоряют своим чарующим ритмом и звучанием. Когда читаешь такие стихи, невольно приходят на память слова Белинского, сказанные о стихе Пушкина: “Что это за стих! Он нежен, сладостен, мягок, как рокот волны, тягуч и густ, как смола, прозрачен и чист, как кристалл...”» [Абаев 1973б: 11–14].

В своих литературоведческих работах В.И. Абаев нередко останавливается на вопросах взаимодействия и взаимосвязи литературы и фольклора, проблем генезиса того или иного литературного мотива в фольклорном произведении. Подобный метод анализа художественного произведения он именует “комплексно-эзегетическим”. Под этим ученый подразумевает одновременный и взаимосвязанный анализ художественного произведения, имеющего народную основу, в пяти аспектах: лингвистическом, филологическом (структурно-типологическом), мифологическом, истори-

ческом (реально-исторический фактор), текстологическом [Салагаева 1980: 19]. Данный метод ученый применил при анализе поэмы Шота Руставели “Витязь в барсовой шкуре”, повести Гоголя “Вий”, “Илиады” Гомера и нек. др. Применение комплексно-эзегетического исследовательского метода позволило ученому, скажем, в статье «О фольклорной основе поэмы Шота Руставели “Витязь в барсовой шкуре”» выделить элементы, отражающие мотивы фольклора Грузии и Северного Кавказа, ее оригинальный, самобытный характер, связь с историей грузинского и других народов Кавказа. Исследователь в образе героя в барсовой шкуре усматривает следы древних тотемических и магических представлений, которые ко времени создания самой поэмы уже утратили свое былое значение.

“По нашему убеждению, – говорит В.И. Абаев, – взятие Трои греками в оболочке (деревянного) коня есть переосмысление и рационализация того же древнего мотива о борьбе героев в образе животных” [Абаев 1990: 481]. Переходя к поэме Руставели, ученый подчеркивает: «Не барсовая шкура, не шаманские приемы решают исход борьбы. Победу приносит воинская доблесть и сила. Характерно, однако, что автор чувствовал неустранимость барсовой шкуры из сюжета, как Гомер чувствовал неустранимость эпизода с конем, а осетинский, кабардинский и абхазский рапсоды – неустранимость бычьей, коровьей и кабаньей шкуры, в которые влезают герои перед решающей схваткой”. Сознание особой важности мотива “герой в звериной шкуре” настолько владело Руставели, что он даже поэму назвал не по имени героя “Тариелиани”, как было принято в его время..., а “Вепхис ткаосани”, т.е. “Тот, кто в барсовой шкуре» [Абаев 1990: 482].

Успешное применение своего комплексно-эзегетического метода при анализе повести Гоголя “Вий” привлек В.И. Абаева к идее о связи образа Вия с индоиранской мифологией, точнее, с индоиранским богом-демоном *Vayu*, первоначально выступавшим в качестве божества ветра, а позднее “как высшее божество, как божество неба, как бог войны и, наконец, как бог смерти” [Абаев 1995: 680]. Доказательство сходства гоголевского Вия с индоиранским богом *Vayu*, по Абаеву, вполне очевидно не только лингвистически, но и мифологически. Ученый этимологически сближает древнеиранский *Vayu* с украинским *Vij* и предполагает в старославянском несохранившееся *Vyij*. Что касается мифологического сопоставления, то и здесь В.И. Абаев находит, что украинскому Вию была присуща функция смерти, которая сохранилась в “Авесте”. Ученый уверен, что имя Вия не сохранилось в украинском фольклоре под натиском христианства, оно попало под табу. Что касается Гоголя, то ему “посчастливилось” еще услышать народное произведение, где фигурирует это чудовище. Характерно замечание выдающегося русского академика Б.А. Рыбакова: «В.И. Абаев установил, что украинский “Вий”, известный нам по Гоголю, восходит к иранскому божеству силы ветра и смерти» [Рыбаков 1979: 193].

В трудах В.И. Абаева можно обнаружить много других высказываний по вопросам литературы. Но они разбросаны по многочисленным работам автора. Чаще всего, пожалуй, ученый останавливается на творчестве своего любимого поэта Пушкина, которого он считает образцом, воплощением истинной поэзии, истинно прекрасного. В.И. Абаев включает имя Пушкина в ряд четырех имен, в которых воплотилось общечеловеческое: “Общечеловеческое значение Платона, Шекспира, Гете, Пушкина основано на том, что в их творчестве с большой полнотой и совершенством раскрылась духовная мощь греческого, английского, немецкого, русского народов. Так вершина национального становится вместе с тем вершиной человеческого» [Абаев 1990: 550]. В.И. Абаев затрагивает в некоторых своих трудах также проблемы античной литературы, скажем, “Илиады” Гомера, “Шахнаме” Фирдоуси и мн. др. Но и сказанного достаточно, чтобы оценить вклад ученого в литературоведение.

Немало ценного находят также фольклористы в трудах В.И. Абаева, постоянно проявляющего интерес к произведениям народного творчества. Еще в 30-х годах он пишет предисловие к осетинскому эпосу “Амран”, где в лаконичной форме характеризует даредзантские сказания, выявляет их генезис и пути проникновения в

Осетию. В то же время в статье “Фольклор” В.И. Абаев рассматривает фольклор как составную часть национальной культуры и неиссякаемую сокровищницу народной речи. В.И. Абаев пишет: “Кто утверждает, что язык наш беден, пусть послушает лучше сказителей. Подобно широкой полноводной реке, не зная препятствий и омеления, течет их речь, богатая и могучая; без единого лишнего слова в ней находят краткое и полное воплощение все мысли, картины, события” [Абаев 1935: 78].

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛЕКСИКОЛОГИЯ

С вопросами лексикографии В.И. Абаев столкнулся еще на заре своей научной деятельности. Будучи студентом, он принял активное участие в работе известного ираниста А.А. Фреймана по изданию трехтомного “Осетинско-русско-немецкого словаря” В.Ф. Миллера. Об этом написано в предисловии к I тому редактором словаря (А.А. Фрейманом) следующее: “С осени 1923 г. по весну 1925 г. ближайшим сотрудником редактора по подготовке словаря к печати был студент осетин-иронец В.И. Абаев. Им была переписана рукопись к печати, им был составлен список не сохранившихся в рукописи слов, начинающихся с Дз, дополненный впоследствии по копии рукописи Вс. Миллера, которая сохранилась в частном архиве во Владикавказе; В.И. Абаеву словарь обязан большим количеством дополнений и исправлений в его иронской части” [Миллер 1927: IV–V].

По-видимому, именно в процессе этой работы у одаренного начинающего ученого пробуждается интерес к проблемам лексики своего родного языка. К тому же на занятиях по иранистике он начинает осознавать то особенное место, которое занимает осетинский среди других иранских и индоевропейских языков.

В процессе работы над словарем В.Ф. Миллера у В.И. Абаева зарождается идея о необходимости составления русско-осетинского словаря. Этого требовали как чисто научные интересы (осетинским начали заниматься многие зарубежные ученые), так и практические, вызванные началом интенсивного культурного строительства в Осетии. Вышедший еще в 1884 г. во Владикавказе “Русско-осетинский словарь”, составленный Иосифом, епископом Владикавказским, был неудовлетворительным даже для своего времени, т.к. представлял собой типичное миссионерское издание и был ориентирован больше на потребности церкви, чем на развитие культуры народа. Работа над русско-осетинским словарем была кропотливой, тем более, что В.И. Абаев уже тогда непрерывно начал заниматься составлением основного труда всей своей жизни – “Историко-этимологического словаря осетинского языка”. Надо заметить, что занятия над обоими словарями в известной мере дополняли друг друга, т.к. и в этимологическом труде автор постоянно сталкивался с необходимостью перевода на русский язык осетинского лингвистического материала.

Появление в 1950 г. “Русско-осетинского словаря” В.И. Абаева, уже к тому времени широко известного ученого, было большим событием в осетиноведении, т.к. в это время потребность в словаре такого типа остро ощущалась в связи с огромной тягой осетин к русской литературе и культуре и все распространяющейся переводческой работой в Осетии.

Словарь В.И. Абаева сыграл большую роль в культурном строительстве в Осетии, где как раз в пятидесятые-шестидесятые годы наблюдается новое значительное расширение издательского дела. К тому же русский язык становится вторым для огромного большинства осетин, т.е. утверждается двуязычие. Значение словаря, однако, выходит за пределы осетинской культуры, т.к. по многим своим параметрам он становится своеобразным образцом, к которому стремятся составители аналогичных трудов по многочисленным младописьменным языкам. Этому способствовали отчасти принципиальные научные основы “Русско-осетинского словаря”. Как отмечает в предисловии к словарю автор, двуязычные переводные словари должны быть двух типов, в зависимости от того, знание какого из двух сравниваемых языков предполагается в читателе. В данном случае составитель понимает невозможность подготовки сразу двух словарей: один для идущих через русский язык к пониманию

осетинского, другой – для осетин, читающих русский текст или переводящих с русского на осетинский. Один словарь, как бы он ни был хорош, – пишет далее В.И. Абаев, – не может в полной мере ответить на выше обозначенные потребности. Однако по необходимости автор старается ответить на запросы с обеих сторон и совместить по мере возможности оба типа словаря.

Двадцатилетнее использование словаря В.И. Абаева полностью оправдало надежды автора. Однако деятельность работников науки и культуры в Осетии выдвинула некоторые новые задачи к осетинской лексикографии. Их учет требовал переиздания словаря, что и было осуществлено автором и ответственным редактором (М.И. Исаевым) в 1970 г.

При составлении второго издания Словаря была проделана значительная работа: а) пополнен словник, б) уточнены и обогащены синонимикой осетинские переводы русских слов и словосочетаний, в) пополнен иллюстративный материал (включая фразеологию), г) орфография осетинского материала приведена в соответствие с действующими нормами и др. “Русско-осетинский словарь” явился важнейшим итогом лексикографической работы В.И. Абаева в синхронном плане.

Что касается исторической лексикологии, то она представляет собой главное направление и реализуется в многочисленных трудах ученого. И в данном случае отправным пунктом и исследовательской базой для ученого служит его родной осетинский язык, словарный состав которого, как и другие стороны структуры языка, в прошлом изучались почти исключительно в исконной, иранской его части. В области исторического толкования исконно осетинских лексем до В.И. Абаева была проведена (в основном В.Ф. Миллером) определенная работа. Достаточно отметить, что для 800 осетинских слов были выявлены их иранские и индоевропейские соответствия. Это примерно 20% зафиксированной лексики. Но они относятся к наиболее существенным пластам лексики: числительным, местоимениям, широкоупотребительным глаголам, терминам скотоводства, терминам родства и т.п. Помимо этого было также разъяснено почти столько же заимствований из арабского, персидского, грузинского языков. Из других категорий слов получили свои разъяснения около 200, т.е. еще 10% всей лексики. Таким образом, В.И. Абаев приступил к фундаментальному анализу лексики осетинского языка, когда она была изучена примерно на 50%. К этому следует добавить, что почти все имевшиеся разъяснения слов впоследствии Абаевым были дополнены, уточнены, а порой и построены заново.

Дальнейшая плодотворная работа над изучением словаря осетинского языка требовала определенных предпосылок, новых идей, которые сам ученый сформулировал следующим образом:

«1) необходимо привлечь широко кавказские языки как соседящие с осетинским, так и более отдаленные;

2) необходимо при сравнительном изучении лексических фактов отрешиться от традиционной формулы: “либо родство, либо заимствование”, так как нельзя теперь уже не видеть, что междуязыковые взаимоотношения гораздо сложнее этой формулы и что смешение языков ставит перед нами такие вопросы, удовлетворительное решение которых невозможно традиционными методами» [Абаев 1949: 103–104].

Как видно, и в лексике ученый, всегда идущий по линии наибольшего сопротивления, избрал для себя неизведанное еще поле исследовательской деятельности. Всесторонний и глубокий анализ осетинско-кавказских лингво-культурных взаимоотношений позволил ученому выдвинуть концепцию *кавказского субстрата*. Это дало возможность ученому сделать ряд новых обобщений и выдвинуть новые идеи, объясняющие особенности развития осетинской лексики.

В ряде работ В.И. Абаев упорно исследует проблему кавказского вклада в становление лексики современного осетинского языка. В частности, в работе “К характеристике современного осетинского языка” автор анализирует “некоторые осетинско-кавказские лексические схождения, относящиеся к достаточно важным в бытовом и культурно-историческом отношении областям и дающие представление о глубине

и интимности осетино-кавказских культурных связей” [Абаев 1949: 105]. Автор приводит множество современных осетинских слов, этимология которых связывается с кавказским лингвокультурным миром. Например:

1) названия частей тела (*къух/къох* “рука”, *къах* “нога”, *был/била* “губа”, *дзых/цъух* “рот”);

2) названия животных (*бах* “лошадь”, *саг* “олень”, *дзæргъ* “свиноматка”);

3) названия растений (*зæтхæ* “овес”, *гæн* “конопля”, *цывзы* “красный перец”, *тъаффæ* “лист”, *къутæр/къотæр* “куст”);

4) термины хозяйства и материальной культуры (*аг* “котел”, *дагъæл* “ключ”, *зæгæл* “гвоздь”, *рæхыс/рæхис* “цепь”, *гæртæ* “снаряжение”, “оружие”, “одежда”, *гуффæ* “кузов арбы”, *кау* “плетень”, *гон* “амбар”, *хæдон* “рубашка” и мн.др.);

5) термины социального круга (*лаг* “человек”, *дзылла/дзилла* “общество”, “мир”, *баста* “страна”, “мир”, *уынаффæ/уынафа* “совет”, “совещание”);

6) термины религии и культа (*хуыцау/хуцау* “бог”, *дзуар* “божество”, “святилище”, “крест”, *æфсати* “бог охоты” и др.).

Как явствует из перечисленных лексем, многие из них принадлежат к основному лексическому фонду, и их появление в осетинском языке нельзя объяснить процессами простого заимствования. В.И. Абаев считает, что мы имеем тут явление субстрата, которое подкрепляется и множеством других факторов.

Плодотворной оказалась идея В.И. Абаева о том, что диалектология может пролить новый свет на взаимоотношения иранского и кавказского элементов в эпоху становления современного осетинского языка. С этой точки зрения ученый анализирует лексические схождения и расхождения между двумя диалектами – иронским и дигорским – и приходит к важному выводу, а именно: *схождения идут преимущественно по линии иранской лексики, а расхождения – по линии неиранской* (по преимуществу кавказской). Выявление этого факта, на первый взгляд не столь существенного, по Абаеву, имеет в действительности существенное значение, т.к. дает ключ к пониманию того, что происходило на заре истории осетинского и других индоевропейских языков; вводит нас в самую лабораторию “индоевропеизации”.

Будучи историком языка и лексикографом, В.И. Абаев не мог не уделить большого внимания исследованию осетинских диалектов, основными из которых считаются *иронский* и *дигорский*. Как отмечает сам ученый, “неоценимой сокровищницей для историка осетинского языка является в особенности дигорский диалект. Достаточно сказать, что в области фонетики и отчасти морфологии он отражает нормы, переходные от древнеиранских к современным иронским. Иначе говоря, в ряде явлений фонетики и морфологии дигорский и иронский диалекты могут быть рассматриваемы как два последовательных этапа развития одного и того же языка” [Абаев 1949: 360].

В плане лексикографическом следует подчеркнуть особое значение “Словаря дигорско-иронских расхождений”, составленный В.И. Абаевым. В словаре лексические расхождения между двумя основными осетинскими диалектами сводятся к трем категориям.

1) дигорские слова, совершенно различные в иронском и дигорском (954 слова);

2) дигорские слова, различные по *форме*, причем эти различия выходят за рамки обычных фонетических соответствий (248);

3) дигорские слова, различные по *употреблению*, хотя и тождественные по происхождению и по форме (140).

Анализ диалектных расхождений позволяет констатировать, что значительная их часть приходится на неиранские элементы. Часть их представляют собой относительно новые заимствования из соседних языков: тюркских, грузинского, кабардинского, чеченского, ингушского и др. Но многие из них в соседних языках отсутствуют или же имеются, но в слишком отличной внешней форме. Поэтому они автором причисляются к языковому субстрату.

Объясняя факт схождения диалектов в иранской части лексики и расхождения в субстратной части, В.И. Абаев приходит к существенному этнолингвистическому выводу. *“Очевидно то, – пишет ученый, – что субстратная среда была многоязычна, лингвистически раздроблена, в то время как иранская, будучи более единообразной и цельной, наложилась на первую как некое сближающее, унифицирующее начало, как lingua franca, т.е. как язык межплеменного общения”* [Абаев 1949: 121].

Ученый понимает важность своей идеи в том плане, что создается возможность проникнуть в историческую обстановку и условия образования индоевропейских языков на субстрате доиндоевропейского мира. По Абаеву *“сущность индоевропеизации, исторический ее смысл, ее прогрессивное значение заключалось в том, что благодаря ей на базе сильно раздробленных, мелких, отсталых доисторических языковых образований Европы и Передней Азии создались более крупные языковые объединения”* [Абаев 1949: 121].

Как уже отмечалось, после тщательного и всестороннего анализа конкретного лингвистического материала автор делает обобщения, выдвигает идеи, значение которых выходит за пределы осетиноведения, иранистики, а то и индоевропеистики. Не является исключением и работа *“О взаимоотношении иранского и кавказского элементов в осетинском”*, заканчивающаяся важными выводами. В.И. Абаев, в частности, отмечает, что *“в словарном составе осетинского языка кавказский элемент вторгается частично в лексический минимум, что нельзя объяснить иначе, как на почве длительного двуязычия”* [Абаев 1949: 122]. Что касается рассмотрения лексики по диалектам, то оно приводит автора к мысли, что *“иранская речь играла роль межплеменного языка для тех микроплеменных групп, которые составляют кавказский субстрат осетинского народа”*. Это объясняет и наличие двуязычия у народов региона в определенный исторический период [Абаев 1949: 122].

Сказанное, в свою очередь, позволяет автору прийти к более общему умозаключению, согласно которому *“исторический смысл индоевропеизации заключается в том, что она обеспечила средством межплеменного общения раздробленные, мелкие и мельчайшие этно-языковые группы доисторической Евразии и тем ответила на назревшую потребность в рассмотрении и укреплении языковых объединений на новой ступени хозяйственного и социального развития древнего общества”* [Абаев 1949: 122].

В процессе непрерывной работы над этимологическим словарем у В.И. Абаева накопился существенный историко-лексикологический материал, потребовавший дополнения авторской концепции становления осетинского языка. Если в предыдущие годы была выдвинута концепция *“второй (кавказской) природы”* осетинского языка, то теперь стало необходимым рассмотрение его исторической природы в более широком этно-лингвистическом контексте. Так, в 60-е годы автор открыл еще одно – до этих пор никому не известное – более точное свойство родного языка. Многочисленные факты привели ученого к мысли об особой близости осетинского языка к языкам европейского ареала – славянским, балтийским, тохарскому, германским, итальянским, кельтским. По ряду признаков: лексических, фонетических, грамматических, – осетинский язык, порывая с другими иранскими, смыкается с перечисленными выше европейскими языками.

Исследованию этого вопроса В.И. Абаев посвятил специальную книгу [Абаев 1965]. Автор изучает ряд специфических черт, которые сближают осетинский (“скифский”) с европейскими языками (славянскими, балтийскими, тохарскими, германскими, итальянскими, кельтскими). Подводя основные итоги проведенному анализу изоглосс, В.И. Абаев убедительно показывает, что *“вакуум”* в истории осетинского языка заполняется. И это очень существенное достижение самого ученого. Дело в том, что некоторые специалисты (например, Э. Бенвенист) говорили о будто бы существующем вакууме между древнеиранским и кавказским периодами развития осетинского языка. В действительности же этот период заполнен полнокровными контактами, оставившими глубокий конструктивный след в истории осетинского языка.

Обнаружение указанных сходжений не явилось историческим сюрпризом. Можно было предположить, что многовековое пребывание скифо-сарматских племен в Восточной Европе и соседство с языками европейского круга оставит свой след в осетинском языке. Многочисленные изоглоссы (схождения) в лексике, фонетике и морфологии связывают скифский мир с европейскими народами. Примечательно то, что выявленные В.И. Абаевым изоглоссы характерны именно для скифо-осетинского и чужды остальному европейскому и индоевропейскому миру. Эти изоглоссы, как подчеркивает В.И. Абаев, не в меньшей степени определяют своеобразие осетинского языка среди иранских, нежели позднейшие кавказские, а также тюркские и другие влияния.

Исследованный Василием Ивановичем материал не является синхронным, т.е. не относится к одной определенной эпохе. Это и понятно, ибо соседство скифо-сарматов с европейцами продолжалось много столетий, и связывающие их схождения, изоглоссы, могли возникнуть в разные периоды этого соседства. Однако выявленные изоглоссы объединяются определенными характеристиками. Они не возводимы к иранской и индоевропейской общности, а возникли на почве ареальных (территориальных) контактов в Восточной и Средней Европе между скифо-сарматами и народами указанного выше европейского круга. В.И. Абаев показывает, что одни изоглоссы имеют более ограниченный ареал распространения, связывая скифский с одним языком или группой европейских языков (славянской, балтийской, германской, латинским). Другие – с несколькими группами или всеми языками европейского круга. Характерно, что в этих изоглоссах не участвуют греческий и армянский языки.

К лексическим изоглоссам автор относит слова, обозначающие в осетинском такие понятия, как *лосось, серп, колос, ярмо, пиво, покрывать, трогать, таять, валяться, целиться, мерзнуть, ложбина, маленький, голубь, слепой, мешочек, голос, суд, глотка, лентяй, хворост, волна, кузнец, около, ольха, скиф, кабан, корзина, цепь, шашлык, моль, хижина, показывать, убивать, посылать, рука, почет, воздух, снег* и др. (всего свыше полусотни). Названия вышеприведенных и других понятий имеют в европейских языках специфические схождения. А что касается характера некоторых из них (*колос, урожай, серп, ярмо* и др.), то он дает В.И. Абаеву повод для постановки определенных культурно-исторических вопросов, касающихся Центральной и Восточной Европы в древнюю эпоху. Одним из наиболее итоговых выводов исследователя является утверждение, что североиранские племена были исконными обитателями Восточной Европы. Дело в том, что в течение долгого времени бытовала утвердившаяся точка зрения о том, что прародину иранцев следует искать где-то в Средней Азии. Сам В.И. Абаев также придерживался этой точки зрения, согласно которой появление ираноязычного элемента на Юге России нужно связывать с рассказом Геродота о вторжении скифов из Азии и относить к VIII в. до н.э. По новой концепции В.И. Абаева “иранский элемент был на Юге России по меньшей мере с начала II тысячелетия до н.э.” [Абаев 1965б: 124]. Дальнейший процесс, приведший к образованию скифо-европейских изоглосс, рисуется автором следующим образом. Когда иранская общность в Юго-Восточной Европе распалась, часть составляющих ее племен двинулась на юг и на восток – в Мидию, Парфию, Персию и Среднюю Азию. Предки будущих скифских племен остались в Европе и в течение ряда веков находились в условиях контактного развития с народами средне- и восточноевропейского ареала. Именно в этот период и определилось своеобразие скифской речи среди других иранских языков и возникли (по Абаеву) различные скифо-европейские изоглоссы. Этот смелый и новаторский вывод В.И. Абаев подкрепляет различными историко-культурными аргументами. Автором выдвинуты и другие более частные гипотезы, органически вытекающие из его новой концепции исторического становления осетинского языка.

Венцом плодотворнейшей лексикографической и лексикологической деятельности В.И. Абаева, без сомнения, можно считать пятитомный “Историко-этимологический словарь осетинского языка” (т. 1, 1958, т. 2, 1973, т. 3, 1979, т. 4, 1989, т. 5, 1995), над

созданием которого автор подвижнически трудился на протяжении более семидесяти (!) лет. Трудился один, без помощников и секретарей, вручную переписывая сотни тысяч карточек, выписывая иллюстративный материал из сотен и тысяч языковых источников...

Словарь по целому ряду своих характеристик принадлежит к самым незаурядным явлениям в филологической науке. В нем реализовано множество фундаментальных идей автора. Прежде всего обращают на себя внимание научно-методологические принципы, по которым составлен труд. Как известно, сравнительно-историческое языкознание, вышедшее само из этимологии, выработало для последней три основополагающих принципа: фонетический, морфологический и семантический. Они, объясняя каждый по-своему происхождение слов, в комплексе обеспечивают научные этимологии. Указанные критерии составляют основу этимологических разысканий и В.И. Абаева. Однако многолетние занятия этимологией привели автора к выводу о недостаточности этих принципов и необходимости дополнения их. В словаре в качестве четвертого критерия широко выступает "исторический контекст", т.е. реалии. Благодаря учету реалий, В.И. Абаеву удалось подкрепить свои этимологии, а зачастую исправить ошибки в объяснении слов, даваемых другими учеными.

Приведем один пример. Известный норвежский иранист Г. Моргенстиерне этимологизировал осетинское название летнего месяца *амистол* следующим образом. Он разделил слово на две части *ами* и *стол*. Первую часть сопоставил с авестийским *hamina* "лето", а вторая осталась без объяснения. В действительности же, как показывает В.И. Абаев, *амистол* представляет собой искаженное слово *апостол* и к Авесте никакого отношения не имеет. Месяц называется 'месяцем апостолов', т.к. на этот месяц приходится праздник Петра и Павла (29 июня).

Если бы Моргенстиерне не рассматривал данное слово оторванно от всего осетинского календаря и учитывал соответствующие реалии, он легко установил бы, что осетинский календарь является христианским, о чем свидетельствуют и названия других месяцев и праздников: *Басылта* (св. Василий Великий), *Тутыр* (св. Федор Тирон), *Никкола* (св. Николай), *Майрамы куадзэн* (Успение богородицы), *Джеоргуба* (св. Георгий) и др.

Не только по принципам составления, но и по своему построению словарь В.И. Абаева является во многом новаторским. Автором сделана попытка – впервые в лексикологической практике – совместить в одном словаре элементы пяти разных словарей: двуязычного (осетинско-русского), документированного, этимологического, исторического и реального. Каждый из этих аспектов разъясняется следующим образом:

1. Прежде всего словарь является двуязычным. Это значит, что не только осетинские слова, но и все иллюстрирующие словосочетания и фразы переводятся на русский язык. Тут автору пришлось столкнуться с большими трудностями, связанными с передачей лексико-семантической и фразеологической специфики одного языка средствами другого. Составитель, не связывая себя существующими осетинскими словарями, самостоятельно, на основе разбора осетинских текстов, опроса знатоков языка и собственного языкового опыта раскрывал семантические потенции каждого слова и для всех оттенков значения и употребления, находил эквивалентные русские переводы.

2. Почти половину словаря составляют документированные цитаты из осетинского фольклора и литературы. Они предназначены для раскрытия и иллюстрирования особенностей семантики и употребления каждого слова. Они указывают также на особенности стилистического и индивидуального употребления слов. Для выполнения данной задачи автором проделан очень большой объем работы. Он расписал множество осетинских текстов на обоих основных диалектах – иронском и дигорском. Сюда входят наряду с фольклорными текстами почти все основные произведения осетинской художественной литературы и прессы вплоть до 1969 г. Все приведенные цитаты тщательно документированы.

3. В этимологической части В.И. Абаев стремится учесть все новое, что появилось

в осетинской, иранской и индоевропейской этимологии после выхода первого и второго томов словаря. Сравнительно-исторический материал дается, как правило, в следующем порядке: иранский прототип, индоевропейский прототип (ближняя реконструкция, без учета ларингалов), ново- и среднеиранские языки, далее авестийский, древнеперсидский, древнеиндийский, славянские, балтийские, германские, тохарские, итальянские, кельтские, греческий, армянский, хеттский.

4. В отличие от обычных этимологических словарей автор называет свой словарь "историко-этимологическим". Этимология слова, понимаемая в узком смысле, предполагает сопоставление двух единиц: исходной и конечной. Данный словарь в этом отношении идет дальше и стремится заполнить вакуум между исходным и конечным состоянием. При этом дается по возможности полная и обоснованная картина истории слова, его звукового, словообразовательного и семантического развития с привлечением материала и типологических параллелей из других языков.

5. Наконец, в словаре уделяется особое внимание реальному социально-историческому фону, на котором протекает жизнь слова. При необходимости приводятся данные материальной культуры, этнографии, фольклора, религиозных верований. Это нововведение полностью вытекает из теоретических положений автора, о которых шла речь выше.

Указанные пять аспектов наилучшим образом способствуют выполнению задачи словаря: "Разработка истории осетинской лексики на широкой сравнительно-лексикологической базе; определение как исконного иранского наследия, так равно субстратных и заимствованных элементов в словарном составе языка" (см. предисловие к первому тому). В связи с этим автор подчеркивает, что во втором и третьем томах более последовательно проводится линия, намеченная в его книге "Скифо-европейские изоглоссы" (1965), т.е. "при этимологическом разъяснении индоевропейских элементов осетинской лексики следует постоянно иметь в поле зрения наряду с индоиранскими также европейские факты. В случаях, когда то или иное осетинское слово не находит соответствия на индоиранской почве и притом не является позднейшим заимствованием, ориентация на европейский материал, как правило, себя оправдывает. Существование "сепаратных" ареальных лексических связей осетинского языка с языками древнеевропейского круга (славянскими, балтийскими, тохарскими, германскими, итальянскими, кельтскими) подтвердилось десятками новых этимологий и может считаться прочно установленным" (см. предисловие ко второму тому).

Разумеется, значение словаря выходит за рамки иранской и даже индоевропейской филологии, так как в нем привлекается материал около 190 (!) языков и наречий мира. Наряду с индоевропейцами немало ценного могут найти в работе В.И. Абаева кавказоведы, тюркологи, финноугроведы и др.

Более того, кроме самих лингвистов словарь представляет несомненный интерес для историков, этнографов, фольклористов, так как в нем судьбы слов прослеживаются на широком историко-социальном фоне развития многих народов. В этом автор следует принципам, заложенным в основу осетиноведения выдающимся русским ученым, иранистом-осетиноведом Вс. Миллером, который к фактам языка всегда подходил исторически – с учетом их развития и связи с историей народа.

Нет сомнения, что с выходом последнего тома словарь стал третьей величайшей вершиной осетиноведения – после "Осетинской грамматики" А. Шегрена (1844 г.) и "Осетинских этюдов" Вс. Миллера (1881, 1882, 1887) – точно так же, как имя самого В.И. Абаева заняло прочное место в ряду имен корифеев осетиноведения, выдающихся русских ученых академиков А.М. Шегрена и В.Ф. Миллера.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Пожалуй, теория и практика исследовательской работы у В.И. Абаева ни в одной области языкознания так крепко не слились, как в этимологии. С одной стороны, многолетний упорный труд по выяснению исторических судеб тысяч и тысяч слов позволил ученому накопить огромный материал для обобщений. С другой стороны,

постоянное теоретическое осмысление анализируемого языкового материала дало в его руки совершенную методiku, позволяющую проникать в тайны происхождения и развития языков. Не будет преувеличением утверждать, что авторитет теоретика-этимолога у В.И. Абаева общепризнан не только у нас в стране, но и за ее пределами. Он в такой высокой степени развил учение о происхождении слов, настолько отточил свои теоретические положения, что они стали своего рода классическими.

Отдельные теоретические положения Василия Ивановича мы можем найти и в его многочисленных конкретных исследованиях. Наиболее концентрированно они обнаруживают себя во вступительных статьях к томам “Историко-этимологического словаря осетинского языка”, о чем уже говорилось выше. Наряду с этим ученый написал специальную статью “О принципах этимологического словаря” [Абаев 1952], в которой излагает свою “этимологическую теорию” в еще более полном виде. Нет сомнения, что эта работа явилась эталоном не только для самого автора, но и сыграла огромную роль в развитии советской теоретической этимологии. В этой статье В.И. Абаев останавливается на значении слова “этимология”, критически рассматривает положения ряда авторов: А. Белецкого, В. Пизани и др., – затем заключает: “Научная этимология, как и вообще научное языкознание, начинается с создания сравнительно-исторического метода. В рамках этого метода этимология получила следующее реальное содержание: 1) для основных оригинальных слов данного языка – сопоставление со словами родственных языков и прослеживание их формальной и смысловой истории вглубь до языка-основы; 2) для слов, которые являются производными внутри данного языка (внутриязыковые дериваты), установление их составных частей, корня, основы и формантов в рамках данного языка; 3) для заимствований – указание источника заимствования. К этим трем задачам и сводится содержание этимологических исследований” (с. 57). В.И. Абаев еще раз подчеркивает, что этимология не есть какая-то особая, самостоятельная отрасль или раздел языкознания; она составляет часть исторической лексикологии и только в этом качестве получает право на существование в языкознании, основу основ которого составляет историзм.

В традиционном употреблении термин “исторический словарь” применяется только к словарю, прослеживающему историю слов исключительно по *письменным памятникам* данного языка. Если следовать этому пониманию, то окажется, что бесписьменные и младописьменные языки не имеют вообще никакой истории. Такое узко филологическое понимание “истории” неприемлемо, и от него следует отказаться. Словарь становится историческим не в той мере, в какой слова в нем документированы по письменным памятникам, а в той мере, в какой он насыщен подлинным историзмом, т.е. в какой он строится на познании законов развития языка в связи с историей общества, историей народа. Ученый отмечает, что с этой точки зрения неправомерно противопоставление этимологического словаря “историческому” словарю в традиционном понимании. Хотя и разными приемами, но оба служат одной цели – истории.

Ученый призывает четко разграничивать цели “исторического” и этимологического словарей. Первый строится на чисто филологической документации и прослеживает историю слов по письменным памятникам данного языка. Этимологический словарь идет дальше: он исследует историю и генетические связи слов на широкой базе сравнительно-исторического языкознания. В.И. Абаев указывает на то, что этимологический словарь по своему назначению не может быть ни чем иным, как историей слов. Отсюда очевидна тесная связь этимологических исследований с историческими, т.е. от истории слов к истории народа.

Исходя из деления лексики на две группы, В.И. Абаев отмечает, что различение словарного состава и основного словарного фонда имеет первостепенное значение для этимологической работы, для правильного использования этимологических исследований в исторических целях и вообще для проблемы связи истории языка с историей народа. Основной словарный фонд, благодаря тому, что он живет очень

долго, в течение ряда веков, имеет исключительное значение для суждения о происхождении народа и его родственных связях с другими народами (этногенетическая проблема). Остальной словарный состав благодаря своей чувствительности к изменениям, происходящим в жизни общества, оказывается особенно ценным для суждения о процессах, связанных с изменениями социального строя, с развитием хозяйства, культуры и пр. (с. 59).

Автор особо подчеркивает значение заимствованных слов, которые дают ценнейший материал о прошлых сношениях и взаимных культурных связях данного народа с другими народами. Но и этим не исчерпывается научное значение и интерес этимологических исследований. История слов, отмечает В.И. Абаев, связана не только с внешней историей народа, но и с историей его мышления. Язык как непосредственная действительность мысли хранит увлекательную повесть многовековых усилий человека – познать, осмыслить и подчинить окружающую среду, окружающую действительность.

В.И. Абаев в своей работе на конкретном исследовательском материале показывает, что этимология как наука немыслима вне сравнительно-исторического метода. Более того, говорить об этимологии как о науке, по мнению ученого, можно только с момента глубокого теоретического и практического обоснования сравнительно-исторического метода, т.е. с начала XIX столетия. Этот метод выработал те точные, многократно проверенные принципы и критерии этимологического исследования, которые переводят этимологическую работу из области домыслов и догадок на почву точных научных приемов и сообщают полученным результатам либо абсолютную, либо значительную достоверность. Без дисциплинирующего влияния этих принципов этимология обращается в зыбкую почву, где могут чувствовать себя привольно только фантазеры и дилетанты. Опираясь на выработанный сравнительно-историческим языкознанием богатый опыт, В.И. Абаев с присущей ему логической точностью излагает базовые установки этимологических исследований. Основной принцип, связанный с самой сущностью исторического метода, он называет принципом системы. Установление генетических связей между словами в рамках системы производится на основании ряда критериев, из которых на первое место выдвигаются обычно фонетический, морфологический и семантический. Каждый из этих критериев автором подробно раскрывается на конкретном языковом материале. Вместе с тем ученый показывает, что все три критерия – фонетический, морфологический, семантический – не обладают свойством абсолютной точности и выдержанности.

“Каковы же пути преодоления тех трудностей, – спрашивает ученый, – которые возникают в этимологических исследованиях? Было бы нелегко рекомендовать какие-либо универсальные рецепты, пригодные для всех случаев. Перечисленные выше критерии: критерий системы, фонетический, морфологический, семантический, – при всех обстоятельствах сохраняют свое значение. Если не вполне благополучно с каким-нибудь одним из них, тем строже надо применить к разъясняемому слову остальные. Несоответствие той или другой этимологии двум из указанных критериев свидетельствует о том, что всего более разумнее отказать от данной этимологии. Но есть еще один первостепенной важности критерий, который оставался, к сожалению, в тени за все время существования сравнительно-исторического языкознания” (с. 64). В качестве такого критерия В.И. Абаев называет учет *реалий*, знание которых он считает важнейшим условием подлинно научной этимологии. Именно невнимание к реалиям со стороны этимологов прошлого В.И. Абаев считает главным недостатком их работы. При этом термин “реалии” он употребляет в самом широком смысле как совокупность всех конкретно географических, материальных, социальных и культурных условий, в которых рождаются и развиваются слова и которые налагают на них свой оттенок. Ученый приводит ряд ярких примеров, показывающих, к каким неточностям может привести игнорирование реалий. Вместе с тем даются блестящие образцы этимологий, полученных благодаря знанию и учету реалий, т.е. объективных условий появления и развития этих слов. Высшей ступени

достигает этимология, когда она становится наукой не только о словах, но и о скрытых за ними реалиях, заявляет В.И. Абаев. И далее: “Отсюда вытекает еще один важнейший вывод: ни один лингвист не должен быть в такой степени вооружен разнообразнейшими сведениями по истории, культуре, этнографии, фольклору, археологии и пр., как лингвист-этимолог”. И далее: “... в области этимологии особенно желательно и плодотворно сотрудничество языковеда с представителями смежных общественных наук” (с. 67).

В заключительной части своей программной статьи по вопросам этимологии В.И. Абаев обосновывает еще одну чрезвычайно интересную идею. Он замечает, что статья по истории отдельных слов, если они хорошо написаны, читаются с захватывающим интересом даже не языковедами. Так почему же этимологические словари, которые, казалось бы, должны быть не чем иным как собранием подобных статей, кажутся читателю сухими и малоинтересными? Объясняется это явление отчасти тем, что в словаре составитель стремится к максимальной сжатости, чтобы дать в наименьшем объеме побольше сравнительного материала. Естественно поэтому, что в словарной статье трудно поместить весь тот оживляющий исторический материал, который можно свободно развернуть в специальной работе, посвященной отдельному слову. Но не в этом только дело. Главная причина “сухости” существующих этимологических словарей, продолжает В.И. Абаев, в оторванности от реалий. И здесь перед нами встает соблазнительная мечта о создании этимологического словаря нового типа. В такой словарь должны найти широкий доступ разнообразные исторические сведения, связанные с рождением и судьбой отдельных слов (с. 68). Такой словарь, по Абаеву, не был бы достоянием только узкого круга специалистов. Он мог бы стать настольной книгой любого образованного человека, каждого интеллигентного рабочего и крестьянина, так как в нем можно было бы найти не только ряды лексических соответствий, но обширный и разнообразный познавательный материал, освещающий через историю слов различные стороны прошлой жизни народа, его материальной и духовной культуры, его связей и сношений с другими народами. Подобный словарь нужен именно у нас, в России, где вопросы языка интересуют самые широкие круги людей и где языкознание становится одной из самых популярных наук.

Исключительно оригинальны взгляды В.И. Абаева на так называемые фонетические законы. Он пишет: “Я сказал бы так: исследование, основанное на рабской вере в непогрешимость звуковых законов, обесценивается наполовину; исследование, вовсе игнорирующее эти законы, не имеет вообще никакой цены” [Абаев 1933: 7–8].

Отдельные методологические высказывания В.И. Абаева разбросаны по многим его работам. Их сбор, приведение в систему и осмысление – дело будущего. Сейчас же перед нами стоит более ограниченная задача – показать общую направленность методологических принципов ученого, их глубину и научную значимость. В этом плане, пожалуй, наибольший интерес вызывают две статьи ученого. Первая из них [Абаев 1960б] написана на материале выступления автора в лингвистической дискуссии 1957 г., состоявшейся в Институте языкознания АН СССР по некоторым вопросам методики и методологии советского языкознания. Это было первым открытым выступлением ученого против крайностей лингвистического структурализма, так сказать, разведка боем...

В.И. Абаев сразу же дает методологическую оценку проходящей дискуссии. Он заявляет: “Вопрос о разграничении синхронии и диахронии в изучении языка и связанный с ним вопрос об историзме в описательном языкознании – чрезвычайно важный теоретический вопрос, от решения которого во многом зависят пути дальнейшего развития теоретического языкознания.

Историзм может оказаться той основной водораздельной линией, по которой пройдет размежевание между двумя главнейшими направлениями в развитии общественных наук вообще и в языкознании – в частности.

Будучи величайшим завоеванием науки XIX века, – продолжает далее ученый, – историзм полностью сохранил свое значение и несколько не устарел. Всякая

жизнеспособная наука будущего всегда будет подымать на щит принцип историзма, совершенно так же, как антиисторизм будет всегда знаменем любой деградирующей и вырождающейся науки”.

Историзм означает не познание истории, говорит В.И. Абаев, а познание статики через историю. При этом чисто синхронное описание относится к описанию с учетом истории не как два равноценных, равноправных, независимых и разноплановых способа познания, а как менее совершенное познание относится к более совершенному. Познание статики через чисто синхронное описание – это лишь ступень, этап на пути к более совершенному, более глубокому, более ценному познанию статики – через историю.

В 1963 г. В.И. Абаев публикует статью “Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке” [Абаев 1963]. Это – одна из самых блестящих полемических работ В.И. Абаева, факт, который признают все – и сторонники концепции автора и ее противники. Работа, несомненно, внесла и все еще вносит неоценимый вклад в решение общеметодологических проблем филологии и, можно сказать без преувеличения, обогащает методологический арсенал и других гуманитарных наук. Рисуя широкий социологический фон появления и развития структурализма, В.И. Абаев останавливается на истории “модернизма”, который не связан специально с языкознанием. Как отмечает ученый, модернизм “охватывает все области культуры, начиная от модной философии и кончая модными танцами. Слово “модернизм” этимологически связано со словом “мода”, и на этот раз (что не всегда бывает) этимология попадает в точку. Когда общество вступает в полосу духовного кризиса, оно начинает судорожно хвататься за все *новое*. Но так как это делается в условиях идейной опустошенности и оскудения, то поиски нового идут преимущественно по линии *формы*, формальных средств, формальных приемов, формальных ухищрений, формальных вывертов. Содержание же, если оно вообще существует, остается крайне убогим и примитивным. Вот это и есть модернизм» [Абаев 1963: 24].

Отмечая далее, что модернизм не является характерной особенностью только современной культуры, ученый говорит о том, что он периодически возникает в эпохи духовного кризиса и распада. При этом в каждую новую эпоху модернизм выступает в новом идейном облачении, характерном именно для этой эпохи. Характерной чертой нового модернизма является открытый или завуалированный *антигуманизм*, охотно облекаемый в форму стандартных восторгов по поводу успехов техники, физики, математики. Мания абстрактных формалистических схем и построений, в которых нет места для живой и трепетной человеческой души, – вот самый общий признак современного модернизма в литературе, искусстве и науке.

Обосновывая свое методологическое кредо, В.И. Абаев пишет, что дать оценку тому или иному направлению в общественных науках – это значит прежде всего уяснить, отвечает ли это направление восходящей или нисходящей кривой развития духовной культуры в целом, философии, общественных наук, литературы, искусства. Все эти области, в которых находит выражение общественная идеология, в каждом обществе, в каждую эпоху тесно между собой связаны и образуют один комплекс, который автор называет *гуманитарным сектором*. Кто хочет подойти к оценке состояния какой-либо гуманитарной науки, в том числе языкознания, серьезно, объективно и глубоко, тот ни в коем случае не должен вырывать эту науку из “контекста” всего гуманитарного сектора и рассматривать ее изолированно. Любое направление в одной общественной науке следует рассматривать в неразрывной связи с синхронными направлениями в других общественных науках: в философии, литературе, искусстве, а также в свете общих закономерностей развития всего гуманитарного сектора.

В семидесятые годы В.И. Абаев выступил с рядом теоретических работ, содержащих также отдельные методологические идеи автора. Так, обратила на себя внимание лингвистов-теоретиков и философов статья “Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка” [Абаев 1970]. В.И. Абаев подчеркивает тесную связь лексики с человеческим сознанием. Если бы, пишет он, мы могли

восстановить историю слов от первых зачатков человеческой речи, это была бы вместе с тем история общественного сознания от первых проблесков человеческой мысли в палеолите и до нашего времени. Язык и сознание на протяжении всей истории человеческого рода образуют нераздельное единство.

Из методологических идей интересно отметить характеристику автором научной гипотезы. В.И. Абаев пишет, что не всякая гипотеза хороша, что научная гипотеза оправдывает себя тогда, когда она является оптимальной. Под оптимальной мы понимаем такую гипотезу, которая:

- 1) исходит из правильных общетеоретических предпосылок,
- 2) лучше согласуется с доступными эмпирическими данными, дает им наиболее удовлетворительное объяснение.

В работе делается интересная попытка уточнить вопрос о происхождении языка. Как указывает автор, процесс очеловечивания начинается с “сознания того, что человек живет в обществе”. Но то, что было первым объектом сознания, было и первым объектом наречения. Стало быть, вопрос о том, что означали первые слова, решается с большой долей уверенности: они могли быть только названиями социально-производственных групп. Прежде чем стать символами вещей, они были символами нарекающих коллективов. Они были сигналами о принадлежности к определенным, более или менее устойчивым социальным группам. Во главе гуманитарных наук, по мнению ученого, должен стоять человек.

К методологическим изысканиям В.И. Абаева непосредственно примыкает статья “Общегуманитарные аспекты теоретического языкознания” [Абаев 1973а]. Статья эта также носит полемический характер, а по стилю изложения публицистична, в чем, кстати, порой упрекают автора. Как это нередко бывает в теоретических работах В.И. Абаева, автор рассматривает конкретные лингвистические вопросы на широком социологическом и методологическом фоне. Существенным недостатком опубликованных в последнее время дискуссионных статей по теоретическому языкознанию В.И. Абаев считает как раз то, что в них лингвистические проблемы обсуждаются в отрыве от общей идеологической ситуации и идеологической борьбы нашего времени. Как отмечает автор, не будет ошибкой сказать, что на первый план в современной идейной борьбе выступает проблема гуманизма.

Борьба за человека и созданные им ценности, пишет В.И. Абаев, – вот сущность современного гуманизма. Наш век оправдывает себя, если он войдет в историю не только как век атома и космонавтики, но также как век гуманизма и духовного обновления. В противном случае и атом, и космонавтика неизбежно обернутся для человечества катастрофой и самоуничтожением. Техника – слепая сила, которая принесет жизнь или гибель в зависимости от того, будут ли зрячими или слепыми владеющие ею люди. Угрозу человечеству несет не атомная эра, а духовное состояние людей в атомную эру. Сделать людей духовно зрячими – такова задача гуманистического воспитания. И вот тут огромная ответственность ложится на науки, которые по самой своей природе призваны формировать идейный мир человека, – науки общественные. Специфика этих наук состоит, между прочим, в том, что в них познавательные задачи неотделимы от идейно-воспитательных. В наше время последние приобретают особое значение. Участие в гуманистическом воспитании людей становится важнейшим, если не решающим моментом при оценке любой общественной науки. Антуан Экзюпери, замечательный французский писатель, очень хорошо сказал: “Быть человеком – значит сознавать свою ответственность”. Мы бы добавили: быть гуманистом – значит сознавать свою ответственность вдвойне [Абаев 1973а: 525].

* * *

Мы охарактеризовали здесь основные концептуальные идеи В.И. Абаева в области филологии. За пределами обзора, разумеется, остались труды выдающегося ученого в других областях науки, в частности, древней истории и нартоведения, в области которого В.И. Абаев считается непререкаемым авторитетом, патриархом.

Но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в абсолютной незаурядности В.И. Абаева в современной гуманитарной науке. Хочется завершить статью словами академика О.Н. Трубачева: «Нужны очень хорошие и самые высокие слова, чтобы достойно почтить Василия Ивановича. По счастью, такое нужное слово есть в его “Словаре скифских слов”, сохранили его и потомки скифов – родные Абаеву осетины, и мы, уважая связь времен, произносим это слово сегодня: *Farn* – “солнечная благодать, благоденствие”. В других языках нет адекватного слова и понятия, порожденного, видимо, древним иранским культом солнца – *Xvar-na* “солнечный”, и мы вынуждены передавать его по-русски иносказательно. Василий Иванович Абаев – ровесник XX века, и это по-своему тоже символично. Я не удивлюсь, если потом будут говорить о *веке Абаева* в иранской и осетинской этимологии, имея в виду время ее наивысшего расцвета» [Трубачев 1980: 7–8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* 1925 – Новое в осетиноведении // Известия СОНИИ. 1. Владикавказ, 1925.
- Абаев В.И.* 1933 – О “фонетическом законе” // Язык и мышление. 1. Л., 1933.
- Абаев В.И.* 1935 – Фольклор // Мах дуг. № 12 (на осет. языке). Владикавказ, 1935.
- Абаев В.И.* 1936 – Еще о языке как идеологии и как технике // Язык и мышление. VI–VII. Л., 1936.
- Абаев В.И.* 1939 – Из осетинского эпоса. М.; Л., 1939.
- Абаев В.И.* 1949 – Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л., 1949.
- Абаев В.И.* 1952 – О принципах этимологического словаря // ВЯ. 1952. № 5.
- Абаев В.И.* 1959 – Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
- Абаев В.И.* 1960а – Коста и осетинская культура // Известия СОНИИ. Т. XXII. Вып. II. Владикавказ, 1960.
- Абаев В.И.* 1960б – Об историзме в описательном языкознании // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960.
- Абаев В.И.* 1963 – Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // ВЯ. 1963. № 3.
- Абаев В.И.* 1965а – О Сека Гадиеве. Писательство как подвиг (к 50-летию со дня смерти) // Советская Осетия. № 26–27. Владикавказ, 1965.
- Абаев В.И.* 1965б – Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Абаев В.И.* 1970 – Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Абаев В.И.* 1973а – Общегуманитарные аспекты теоретического языкознания // ИАН СЛЯ. 1973. 6.
- Абаев В.И.* 1973б – О Георгии Малиеве // Малиев Г. Ираф. Орджоникидзе, 1973.
- Абаев В.И.* 1990 – Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев В.И.* 1958–1995 – Историко-этимологический словарь осетинского языка: Т. 1, 1958; Т. 2, 1973; Т. 3, 1979; Т. 4, 1989; Т. 5, Указатель, 1995.
- Миллер В.Ф.* 1881–1882, 1887 – Осетинские этюды, Ч. 1, М., 1881; Ч. 2, М., 1882; Ч. 3, М., 1887.
- Миллер В.Ф.* 1927 – Осетинско-русско-немецкий словарь / Под ред. и с дополнениями А.А. Фреймана. Т. 1. 1927.
- Рыбаков Б.А.* 1979 – Геродотова Скифия. М., 1979.
- Салатаева З.М.* 1980 – В.И. Абаев – литературовед // Поэтика жанра. Орджоникидзе, 1980.
- Трубачев О.Н.* 1980 – От редактора (слово о В.И. Абаева) // М.И. Исаев. Васо Абаев. Орджоникидзе, 1980.
- Фадеев А.А.* 1941 – Выступления на юбилее Коста Хетагурова в г. Орджоникидзе 21-го ноября 1939 г. // Коста. Орджоникидзе, 1941.
- Шегрен А.* 1844 – Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским. Ч. 1. СПб., 1844.